

зрѣть его утѣхи и хотя бы даже самыя естественныя стремленія. Это—стремленіе выйти изъ жизни ранѣе смерти, вырваться изъ времени и изъ исторіи, еще оставаясь въ нихъ. Для того, кто услышалъ небесныя звуки, становятся скучны пѣсни земли, и для того, кто позналъ радость богообщенія, паденіемъ кажется всякое, даже и самое невинное мірообщеніе. Антитеза Бога и міра напрягается при этомъ до послѣдней степени, ради Бога отвергается міръ, такова основа христіанской аскетики. Первохристіане, ждавшіе съ часу на часъ міровой катастрофы и не замѣчавшіе этого міра, аскеты, бѣжавшіе отъ міра въ бесплодныя пустыни, монашествующіе разныхъ временъ и народовъ, замыкавшіеся отъ міра въ пустынныхъ обителяхъ, странники, подвергавшіе себя добровольному нищенству, юродивые, отказавшіеся отъ всей своей эмпирической личности, всѣ они отвергаютъ міръ безъ всякихъ компромиссовъ съ нимъ. Они вмѣщаютъ заповѣди Нагорной проповѣди не какъ максимальныя требованія, страшныя и изнурительныя, но какъ естественныя послѣдствія однажды принятаго рѣшенія, просто на ихъ пути не встрѣчается ни собственности, ни судовъ, ни государства, ни хозяйственныхъ заботъ. Здѣсь достигается нездѣшная легкость и свобода, которой мы, сыны земли, не вѣдаемъ. „Иго Мое благо и бремя Мое легко“. Но этой свободы достигаютъ только несеніемъ тяжкаго креста, который берутъ на себя эти добровольные мученики. Есть въ *Житіяхъ святыхъ* одинъ разсказъ, особенно излюбленный русскимъ народомъ, объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ. Алексій принадлежалъ къ богатому, знатному роду. Въ немъ рано пробудились аскетическія стремленія, однако повинувшись желанію родителей, онъ вступилъ въ бракъ съ благородной и красивой дѣвицей. Но по окончаніи свадебнаго пира онъ исчезъ, оставивъ своей невѣстѣ-женѣ только перстень и поясъ, въ залогъ новаго союза между ними, а самъ, переодѣвшись въ нищенское платье, уѣхалъ въ отдаленный городъ и тамъ сталъ проводить жизнь нищаго при храмѣ, въ молитвѣ и духовныхъ подвигахъ. Такъ онъ прожилъ 17 лѣтъ, никому невѣдомый, пока чудеснымъ образомъ не обнаружилась здѣсь его святость. Онъ бѣжитъ и отсюда, спасаясь отъ человѣческой славы, и попадаетъ въ родной Римъ, гдѣ поселяется въ домѣ своего отца. Никѣмъ неузнанный здѣсь, онъ находитъ пріютъ подъ видомъ нищаго, принимая подаваніе вмѣстѣ съ насмѣшками, а иногда и побоями отъ своихъ же слугъ, не по-